

этомъ, что онъ генералъ, камергеръ, Андреевскій кавалеръ или тому подобная глупость, вдругъ дѣлается отъ этого самоуверенъ, гордъ и даже счастливъ, или, наоборотъ, оттого, что лишается или не получаетъ ожидаемой побрякушки и клички, становится печальнымъ и несчастнымъ такъ, что даже заболѣваетъ. Или, что еще поразительнѣе, вполне въ остальномъ здоровый душевно, молодой, свободный и даже обезпеченный человекъ только оттого, что онъ назвался и его назвали судебнымъ слѣдователемъ или земскимъ начальникомъ, хватаетъ несчастную вдову отъ ея малолѣтнихъ дѣтей и запраетъ или устраиваетъ ея заключеніе въ тюрьмѣ, оставляя безъ матери ея дѣтей, и все это изъ-за того, что эта несчастная тайно торговала виномъ и этимъ лишила казну 25 рублей дохода, и не чувствуетъ при этомъ ни малѣйшаго раскаянія. Или, что еще удивительнѣе, въ остальномъ разумный и кроткій человекъ, только оттого, что на него надѣта бляха или мундиръ и ему сказано, что онъ сторожъ или таможенный солдатъ, начинаетъ стрѣлять пулей въ людей, и ни онъ, ни окружающіе не только не считаютъ его въ этомъ виноватымъ, но считаютъ его виноватымъ, когда онъ не стрѣлялъ; не говорю уже про судей и присяжныхъ, приговаривающихъ къ казнямъ, и про военныхъ, убивающихъ тысячи безъ малѣйшаго раскаянія только потому, что имъ внушено, что они не просто — люди, а присяжные, судьи, генералы, солдаты.

Такое постоянное неестественное и странное состояніе людей въ государственной жизни выражается словами обыкновенно такъ: «какъ человекъ, я жалѣю его, но какъ сторожъ, судья, генералъ, губернаторъ, царь, солдатъ, я долженъ убить или истязать его», точно какъ будто можетъ быть какое нибудь данное или признанное людьми положеніе, которое могло бы упразднить обязанности, налагаемыя на каждаго изъ насъ положеніемъ человекъ.

Такъ, напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ люди ѣдутъ на убійство и истязаніе голодныхъ людей и признаютъ, что въ спорѣ крестьянъ съ помѣщикомъ — крестьяне правы (это говорили мнѣ всѣ начальствующіе), знаютъ, что крестьяне несчастны, бѣдны, голодны; помѣщикъ богатъ и не внушаетъ сочувствія, и всѣ эти люди все-таки ѣдутъ убивать крестьянъ для того, чтобы приобрести этимъ помѣщику 3000 рублей, только потому, что эти люди воображаютъ себя въ эту минуту не людьми, а — кто губернаторомъ, кто чиновникомъ, кто жандармскимъ генераломъ, кто офицеромъ, кто солдатомъ, и считаютъ для себя обязательнымъ не вѣчныя требованія совѣсти человекъ, а случайныя, временныя требованія своихъ офицерскихъ, солдатскихъ положеній.

Какъ ни странно сказать это, — един-

ственное объясненіе этого удивительнаго явленія — то, что люди эти находятся въ томъ же состояніи, въ которомъ находятся тѣ загипнотизированные люди, которыми, какъ говорятъ, приказываютъ воображать или чувствовать себя въ извѣстныхъ условныхъ положеніяхъ и дѣйствовать такъ, какъ бы дѣйствовали тѣ существа, которыхъ они изображаютъ; такъ, напримѣръ, когда загипнотизированному лицу внушено, что онъ хромымъ, и онъ начинаетъ хромать, слѣпой, и онъ не видитъ, что онъ звѣрь и онъ начинаетъ кусаться. Въ такомъ состояніи находятся не только люди, ѣдущіе въ этомъ поѣздѣ, но и всѣ люди, исполняющіе свои общественныя и государственныя обязанности предпочтительно и въ ущербъ человѣческимъ.

Сущность этого состоянія въ томъ, что люди подъ влияніемъ внушенной имъ одной мысли не въ силахъ обсуживать своихъ поступковъ и потому дѣлаютъ, не разсуждая, все то, что въ соотвѣствіи съ внушенной мыслью предписывается имъ, и на что они наводятся посредствомъ при- мѣра, совѣта, или намека.

Разница между загипнотизированными искусственнымъ способомъ и тѣми, которые находятся подъ влияніемъ государственнаго внушенія, состоитъ въ томъ, что искусственно загипнотизированнымъ внушено ихъ воображаемое положеніе вдругъ, однимъ лицомъ и въ самый короткій промежутокъ времени, и потому внушеніе это представляется намъ въ рѣзкой, удивляющей насъ формѣ, тогда какъ людямъ, дѣйствующимъ подъ государственнымъ внушеніемъ, ихъ воображаемое положеніе внушается имъ исподоволь, понемногу, незамѣтно, съ дѣтства, иногда не только годами, но цѣлыми поколѣніями, и кромѣ того внушается не однимъ лицомъ, а всѣми окружающими ихъ.

«Но», скажутъ на это, «всегда во всѣхъ обществахъ большинство людей: всѣ дѣти, всѣ поглощаемыя трудомъ дѣтоншенія, рожденія и кормленія женщины, всѣ огромныя массы рабочаго народа, поставленныя въ необходимость напряженной и неустанной физической работы, всѣ отъ природы слабые духомъ, всѣ люди ненормальные съ ослабленной духовной дѣятельностью вслѣдствіе отравленія никотиномъ, алкоголемъ и опиумомъ или другихъ причинъ, — всѣ эти люди всегда находятся въ томъ положеніи, что не имѣя возможности мыслить самостоятельно, подчиняются или гѣмъ людямъ, которые стоятъ на болѣе высокой степени разумнаго сознанія, или предаются семейнымъ или государственнымъ, тому, что называется общественнымъ мнѣніемъ, и въ этомъ подчиненіи нѣтъ ничего неестественнаго и противурѣчиваго».

И дѣйствительно, въ этомъ нѣтъ ничего неестественнаго и способность людей мало-